

Стенограмма совещания при директоре ГПБ от 9 марта 1937 г.

Присутствовали: т. Вольпер, Басов, Аникин, Шалов, Банк, Бычков, Ухмылова, Орловская, Зельцле, Якобсон, Алиханян, Меженко, Брискман, Гребенщикова, Добиаш-Рождественская, Римский-Корсаков, Бенешевич, Гейман, Люблинская, Равребе, Люблинский.

[Т. К.] Ухмылова: Мы [в Отделе рукописей] имеем сравнительно небольшое количество читателей: в 1935 г. – 292 чел., а в 1936 г. – 246 чел. Такое снижение мы объясняем тем, что в прошлом году у нас был ремонт, который распугал наших читателей. Но число посещений не снизилось – у нас было запроецировано 3000 посещений, а было 3792 посещения. Рукописей в обращении было запроецировано 6000, а у нас прошло 10 075. В среднем ежемесячно давалось 50 справок сложного характера и 100 справок на ходу. Обслуживание читателей находится в руках И. А. [Бычкова], в помощь ему выделен [В. Г.] Гейман. Во время отпуска И. А. я обслуживаю читателей. Кроме того, некоторая техническая работа поручается за последнее время [А. Н.] Михайловой и иногда [Ф. Я.] Попову.

У нас небольшое количество читателей и небольшое количество рукописей находится в обращении, но нужно знать, что у нас особый характер выдачи рукописей. У нас прежде, чем выдать рукопись, нужно ее просмотреть, если листы не сосчитаны, то нужно их сосчитать, читатель должен сам расписаться в книге, при возвращении ее мы должны снова сосчитать листы, проверить сохранность, снять заместитель и положить ее на место. Затем имеется подсобный каталог. Так как рукописи у нас очень ценный материал, то мы имеем особый подход к их выдаче. Кроме того, читатели у нас беспрестанно обращаются за консультацией к определенным специалистам, так как сведения о данной рукописи он может получить только у нас.

Если взять состав читателей, которые у нас бывают, то это все научные работники, из них 200 чел. – научные работники, профессора, доценты, члены-корреспонденты Академии наук, 32 чел. – аспиранты, 15 чел. – студенты.

Следующий раздел – это обработка рукописей и составление каталогов. Все наше рукописное богатство делится на фонды: славяно-русский, западный, восточный, русский, греческий, музыкальный и новый отдел – инкунабулы. Наши рукописи написаны на 45 языках – несколько восточных, несколько индийских, три русских (русский, белорусский, украинский). В последнее время, когда мы подсчитали все индийские языки, то получилось 49 языков.

В зависимости от этих фондов определяется состав наших работников. Это квалифицированный состав сотрудников. Специалисты по старославянским рукописям – И. А. Бычков, который 56 лет работает в Рукописном отделе, [В. В.] Майков (работает 41 год), Гейман (работает 19 лет), а также специализируется Попов, который работает 12 лет в Библиотеке и только 2 года у нас. По

западным рукописям – член-корреспондент Академии наук [О. А.] Добиаш-Рожественская, которая работает уже 16 лет, [А. Д.] Люблинская (работает с 1922 г. в Библиотеке и четвертый год у нас) и сейчас приглашена [Ц. И.] Евсович. По греческим рукописям – профессор [В. Н.] Бенешевич, который в общей сложности работает у нас 16 лет. По восточным рукописям – [И. И.] Равребе, который работает больше 6 лет. По музыкальным автографам – [А. Н.] Римский-Корсаков, работающий 19 лет в Библиотеке и 7 лет в нашем Рукописном отделе. По инкунабулам – [В. С.] Люблинский, работающий 15 лет в Библиотеке. Только по русским рукописям сравнительно молодые работники – я, [А. Н.] Михайлова и [Г. В.] Никольская. Контингент у нас очень устойчивый. Практически каждый проходит сначала библиотечный стаж, а потом переходит в Рукописный отдел, как сложившийся специалист. У нас нет разговоров, при каком бы материальном положении Библиотека ни была, об уходе. У нас устойчивый коллектив. Всего у нас 11 ставок, а работает 14 сотрудников.

По линии подготовки кадров: у нас готовится очень тщательно аспирант [Е. Э.] Гранстрем по византологии, а сейчас взяли молодую сотрудницу Евсееву, кончающую университет, с тем, чтобы с осени ее можно было бы определить в аспирантуру по западным рукописям. Мы все время думаем о подготовке молодых кадров.

Обработка рукописей и составление каталогов. Обработка рукописей отличается от обработки, которая происходит над книгами. Наши рукописи часто не имеют или начала, или конца, или ни того ни другого, или нет отдельных листов, или перебиты листы, но переплетены, часто нет даты или рукопись называется так, как не должна называться – одним словом, каждая рукопись в своем роде. Рукопись отличается от книги тем, что к ней нужен индивидуальный подход. В связи с этим и наш каталог своеобразен по сравнению с каталогами книжных фондов.

Каталог западного фонда составляется на французском языке. Необходимы специальные знания своего предмета, чтобы обработать и сделать научное описание рукописи. Карточки на греческие рукописи носят наиболее описательный характер, исходя из особенностей материала. На западный фонд у нас составляются больше научно-описательные карты.

Сейчас ставится вопрос, чтобы наши картотеки перевести вообще на русский язык, исходя из того соображения, что в русской библиотеке должна быть русская картотека. Так как не только у нас происходит такая каталогизация западных фондов, то нам хотелось бы послушать соображения других учреждений, в частности Академии наук, но определенная установка на этот счет имеется.

На каждую рукопись составляется научно-критическая карта. К ней составляется ссылочная по содержанию и ссылочная по географической их ориентации. Затем составляются инвентарная карточка, или как мы ее называем, «краткое научное описание», и тематическая карточка. На рукописи с миниатюрами составляются отдельные карточки.

Собрание западных фондов считается лучшим в СССР и четвертым в мире, после библиотек в Париже, Риме и Англии. Что касается восточных рукописей, то считается, что во всем мире это самое большое собрание, в особенности самаритских рукописей. Нами составляется в продолжении несколько лет каталог семитических рукописей, разбирается второе собрание Фирковичей. В основном эти рукописи обработаны и описаны [Б. А.] Дорном на французском и немецком языках. О ценности этих описаний можно судить по тому, что они составлены в начале второй половины XIX века.

У нас ценнейшее собрание персидских рукописей с редкими миниатюрами; из них 54 взяты в Эрмитаж и не возвращаются. Они там находятся на выставке. Наши же читатели иногда просят эти рукописи, не из-за миниатюр, а из-за их содержания, и нам хотелось бы, чтобы эти рукописи были бы нам возвращены. Они у нас тоже были на выставке.

Что касается греческого фонда, то у нас имеется всего около 1000 рукописей. Этот фонд тоже занимает одно из видных мест среди больших греческих фондов в Европе и на Востоке и первое место в СССР, хотя в некоторых отделах он не достигает такой полноты, как фонд Синодальной библиотеки, который теперь находится в Государственном историческом музее. Над описанием этих фондов была проведена работа Мурельманом, который издал, теперь малоудовлетворительные, описания 179 имевшихся при нем в 1807 г. рукописей. Отдельными учеными были описаны отдельные поступления, но это малоудовлетворительные описания – описания в разных местах, краткие, недостаточные, – и сейчас стоит вопрос о необходимости описания заново греческих рукописей. Когда к нам обратился Эверт с просьбой, чтобы мы сняли для него копии греческих рукописей, потому что он их описывает, мы ему сказали, что мы сами подготовляем к печати описание греческих рукописей. У нас есть специалист – проф. Бенешевич, который обследовал около 5000 рукописей во всех крупных библиотеках Европы (в 49 библиотеках Европы и Ближнего Востока), и нужно было бы воспользоваться этой возможностью описать наши греческие рукописи.

Что касается музыкальных автографов и музыкального фонда, то это тоже самое большое в СССР и во всем мире собрание, в особенности оно отличается прекрасным собранием старых певческих рукописей, начиная с XI века. Затем имеется раздел русской музыки, который представлен большим количеством автографов, в нем сосредоточено все основное собрание классиков русской музыки. В этом отделе работает известный музыковед А. Н. Римский-Корсаков.

Затем у нас хранится собрание классиков. Старопечатная русская книга составляет богатейшую коллекцию. Сейчас к нам присоединено собрание инкунабулов, альдов и эльзевиров, – крупнейшее и ценнейшее в СССР собрание книг на западно-европейских и греческих языках, печатанных в XV и XVI вв. Они также принадлежат к числу собраний мирового значения. За последнее время это был совершенно заброшенный отдел, сейчас находятся в стадии приведения в порядок его инвентари и каталоги.

Относительно приобретений нужно сказать, что за последние годы приобреталось очень мало, но в прошлом году нам удалось приобрести больше, чем на 15 000 рублей. Это очень большая, по сравнению с предыдущими годами, цифра. Нами было приобретено: несколько четвероевангелий XV–XVII вв., несколько поучений, прологов и сборников XVI–XVII вв., выписи из отказных книг XVI в., книги раздаточные XVII в., несколько сборников XVIII в., рукопись [М. И.] Жихарева о [П. Я.] Чаадаеве с сохранением мест, выброшенных царской цензурой, затем рукопись 5 тома истории [Н. Г.] Устрялова, не появившегося в печати, затем большой архив цензора Венского, несколько документов из истории французской революции. Значительное количество автографов [М.] Горького, более 200 писем к нему, много фотографий и рисунков, затем письма [Д. И.] Абрамовича и его рукопись (это было перед его юбилеем), из иностранных автографов – письма [Ф.] Ницше, [С.] Цвейга, несколько арабских и еврейских рукописей и одна латинская.

Я не буду подробно останавливаться на плане обработки 1937 г., потому что мы продолжаем переходящую из года в год работу. Это – описание рукописей Общества любителей древней письменности, описание рукописей социально-экономического и юридического содержания, обработка латинских и французских рукописей, составление каталога семитических рукописей и разбор 2-го собрания Фирковичей, разбор и описание русских архивов нового времени, научное описание греческих рукописей, составление каталога на письма русских и иностранных композиторов, подготовка к печати, собирание материалов. Теперь еще мы внесли в план топографический указатель, рекаталогизацию инкунабулов, разбор и описание китайских ксилографов, которые мы получили из Отдела национальностей.

Что в основном у нас должно стоять в плане 1937 г.? В основном, помимо описания, разборки и приобретения рукописей, у нас должно стоять печатание наших каталогов, потому что печатание наших каталогов – это прямая обязанность Государственной Публичной библиотеки. Если книжные каталоги составляются и в других библиотеках, то каталоги рукописей могут составляться только у нас, и поэтому мы бы хотели просить напечатать в первую очередь ряд наших описаний, а именно: продолжение серии «Средневековье в рукописях ГПБ», выпуск IV, охватывающий рукописи VIII–X вв. Мы временно прекратили эту серию и сейчас мы бы просили эту серию возобновить, тем более что она не требует большого листажа. Затем мы бы просили начать серию описаний греческих рукописей. Этот выпуск тоже займет не более 5 листов. Затем мы сейчас сдаем в печать каталог музыкальных автографов и каталог караимских рукописей. Мы бы хотели, чтобы на очереди стояла опись грамот. Первый выпуск был составлен Андреевым, работающим теперь в Академии наук. Второй выпуск этих грамот (1633 г.) составлен Гейманом уже несколько лет тому назад. Это совершенно готовая к печати работа. Этот выпуск займет всего 2–3 печатных листа. Ввиду особого интереса, который проявляется нашими учеными и исследователями к хранящимся у нас грамотам, нужно было бы напечатать и

этот каталог. Было бы весьма желательно напечатать в скорейшее время, тем более, что он займет меньше всего листажа.

Затем представляется возможность подготовить к печати материалы Горького. Постановление Правительства говорит о том, что мы, очевидно, все наши материалы должны сдать в основном в Горьковский музей, но нам не хотелось бы сдавать неопубликованный материал. Мы затратили на него большую сумму денег и мы бы хотели его опубликовать на месте, но у нас нет бумаги. Мне удалось договориться с Институтом литературы Академии наук, который берет на себя бумагу и даже снятие копий с тем, чтобы мы предоставили свой материал и под маркой Института литературы Академии наук и Государственной Публичной библиотеки этот сборник мог бы выйти в печать. Его можно было бы подготовить к печати и выпустить к весне 1938 г., когда будем праздновать 70-летие со дня рождения Горького.

Когда составлялся издательский план Рукописного отдела на 1937 г., мы дали большую заявку, но это была программа-максимум. Теперь же мы просим программу-минимум, это несколько листов каждого описания.

Положение Рукописного отдела от того, что не печатаются наши каталоги, не опубликовываются наши рукописи, очень тяжелое. Мы бы хотели поставить вопрос перед Наркомпросом о выпуске собственного периодического органа – бюллетеня. Это было бы нечто такое, что нам равняло бы с рукописными отделами Запада.

Мы, которые по многим разделам наших фондов выходим на первое место, можем превратиться из-за отсутствия бумаги в захолустье. Нам нужно сохранить наше лицо, нам не подобает быть таким захолустьем по тому богатству, которое мы храним. С 1913 г. отчеты не издаются и ученые и исследователи не знают, что к нам поступило за это время. Нас печатают на Западе, извращают. Если есть Библиотека, то должна быть и бумага. Нам скажут, что это невозможно, но чтобы вести по-настоящему работу в Рукописном отделе, нельзя отделять печатную работу от нашей работы в Р. О. Те издания, которые были до этого, тоже свидетельствуют о нашей неопытности в печатании, они страдают неуклюжестью, провинциальностью. Наша типография отвыкла, отстала от времени и в этом отношении наши ученые могли бы помочь выработать навыки в нашей типографии, а она может, потому что до сих пор она печатала самые трудные тексты нашего Рукописного отдела.

Что касается каталожного хозяйства, то мы должны поставить в плане его упорядочение. Надо решить вопрос о каталоге на иностранных языках. Затем, у нас неблагополучно расписываются отчеты Государственной Публичной библиотеки. Несколько лет тому назад расписывались отчеты по алфавиту, так что наш читатель мог прийти и по алфавиту найти нужную рукопись. Поэтому нужно такой алфавитный каталог составить. Если нам сейчас приступить к составлению этого каталога, нам надо возвратиться назад и начать расписывать все поступления в Рукописный отдел. Здесь было упущение и это надо поднять.

Нам нужно обязательно приступить к топографическому указателю. Сейчас И. А. [Бычков] вместе с [А. Д.] Люблинской недавно приступил к составлению шкафных описей иностранных фондов.

Затем нужно произвести приемку всех фондов инкунабулов.

Затем мы бы просили, чтобы нам возвратили персидские рукописи.

Затем мы бы просили о предоставлении хорошего качества папок, коробок, куда можно было бы укладывать материал, т. к. обработанный материал нам некуда складывать. Затем у нас нет каталожных ящиков. Наши каталоги лежат на столах и пылятся. Мы каждый год просим и каждый год нам отказывают. Нам нужно минимум 144 ящика.

Затем относительно освещения. У нас сейчас просто зияют дыры и нет освещения. Нам нужно освещение и в первую очередь в читальном зале. Мы бы хотели устроить это освещение на столах, чтобы не было нареканий, что сверху рассеянный свет. Через наш читальный зал проходят в фонды и поэтому у нас бесконечное хождение мимо читателей. Мы бы хотели иметь дорожку, которая скрадывала звуки.

У нас прекрасная стильная обстановка, а в последнее время мы просто испортили вид Рукописного отдела каким-то буфетом и шкафом из сторожки. Надо как-то сохранить эту стильную обстановку; это до некоторой степени связано с самой творческой работой читателя, когда он видит вокруг себя соответствующую обстановку.

В связи с реорганизацией здания, мы бы хотели устроить вход снизу. Нашим читателям очень неудобно, если им хочется, например, выйти покурить. Нельзя ли подумать и переделать наш вход. Ведь когда к намходишь, Нестор сидит спиной.

Затем, мы бы хотели, чтобы вывели от нас Славику и отпустили больше средств на приобретение рукописей. Затем мы бы просили разрешения более детально осмотреть фонды Крепости и Лавры и увеличить зарплату Никольской и Михайловой, так как это квалифицированные работники.

Стенограмма совещания при директоре ГПБ от 9 марта 1937 г. // ОАД РНБ. Ф. 12. Т. 209. Л. 1–10.